

The illustration depicts a large group of men in medieval-style armor and helmets, arranged in concentric circles. They are holding long, glowing, golden-yellow rods that converge towards a central point. In the center, a figure with long, flowing blonde hair stands with their back to the viewer, looking into the bright light emanating from the convergence of the rods. The rods form a complex, web-like pattern that fills the entire frame, creating a sense of depth and intricate detail. The overall color palette is dominated by the warm, golden light of the rods and the dark, muted tones of the armor and robes.

Ирина Амели-Волкова

**Тишина
между
вдохами**

18+

Ирина Амели-Волкова

Тишина между вздохами

<https://litres.ru/74568983>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Тишина между вздохами» — философское фэнтези о том, как мир держится не на силе, а на внимании.

Ткань реальности здесь — живой узор, и перемены способны его разорвать. Арден, некогда стремившийся сломать старое ради нового, учится видеть усталость мира и становиться опорой, а не рычагом. Вместе с отрядом он доходит до Сердцевины — точки, где решается судьба узора. Победа оказывается не в ударе, а в умении вовремя сказать: «Я здесь. Сегодня ты отдыхаешь».

Это история о бережных переменах, о круге людей, которые держат мир не кулаком, а протянутой рукой — и о тишине, в которой слышно, как земля делает вдох.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ирина Амели-Волкова

Тишина между вдохами

Глава 1

Три месяца — это много, если ты ждёшь, и мало, если ты строишь.

Кая узнала это не из книг и не из разговоров, а из собственных рук, которые за эти три месяца изменились: мозоли, которых не было, ссадины, которые не успевали заживать, и тонкий, въевшийся запах земли, который не смывался даже у ручья, который бежал за южным холмом. Она работала — не потому что должна, а потому что хотела. Хотела видеть, как из семян, которые Мариса хранила в маленьком кожаном мешочке на поясе, вырастает сначала тонкий, неуверенный стебелёк, потом лист, потом — если повезёт — что-то похожее на еду. Не на праздник урожая, не на пир — на еду. На то, чтобы сорок с лишним человек не просто выживали, а жили.

Огороды разбили у южного склона, где каменистая почва была чуть мягче и где по утрам собиралась роса — слабая, едва ощутимая, но достаточная, чтобы семена не засохли до того, как успеют уцепиться за землю. Мариса руководила — не командуя, а показывая: как сделать борозду, как глубоко

положить семя, как присыпать, не придавив. Кая следовала за ней и удивлялась тому, как легко Мариса касалась земли — не как иностранец, который пришёл и взял, а как тот, кто помнил, как это делали до неё, и передавал дальше, не при-сваивая.

— Земля не любит спешки, — говорила Мариса, и голос её, ещё хриловатый после трёх лет обруча, звучал мягче, чем в первый день. — Она не торопится, и ты не торопись. Положи семя и отойди. Не стой над ним и не жди — оно вырастет, когда вырастет. Твоя задача — создать условия, а не заставить.

Кая кивала и следовала. Она копала, сажала, поливала из берестяного ковша, потом отходила и не стояла над семенами, а садилась чуть поодаль и смотрела — не на грядки, а на долину, на серое небо, на Мёртвые земли к северу, которые всё ещё лежали ровной, гладкой пеленой, но теперь, если присмотреться, по краям их начали появляться трещины, в которых что-то зеленело. Не трава — ещё не трава, а что-то более хрупкое, тонкое, полупрозрачное, как первый пушок на щеке мальчика, который начинает расти.

Элин каждый день выходил за пределы лагеря и обходил эти трещины. Он не трогал ростки, не поливал, не удобрял — просто клал ладони на землю рядом и молчал. Кая однажды спросила, что он делает, и он ответил серьёзно, без детской важности:

— Слушаю. Мама говорит, что земля забывает, если неко-

му напоминать. Я напоминаю.

— Напоминаешь что?

— Что она живая. Что она может. Что я здесь и никуда не уйду.

Кая не стала добавлять ничего. Она знала, что этого достаточно.

Жизнь в лагере шла не ровно, а рывками, как идёт человек, который учится ходить после перелома: два шага вперёд, один назад, боль, пауза, потом снова два шага. Орин организовал дозорных — четверо, по два часа, сменяясь на рассвете и на закате. Брен, несмотря на рану, которая заживала медленно и оставила шрам на боку, как длинную, рваную молнию, встал во главе дозора и не отступал, несмотря на протесты Фейры.

— Ты ранен, — говорила она, и в голосе её было не беспокойство, а раздражение, которое Кая быстро научилась распознавать как замаскированную тревогу.

— Я ходил с раной и похуже, — отвечал Брен, и не хвастался, а констатировал, как констатируют, что солнце встаёт на востоке.

Фейра сжимала губы и отступала, но Кая видела: она не отходила далеко. Сидела у очага, пила свой травяной отвар и смотрела на Брена, который стоял на посту, — не влюблённым взглядом, а взглядом человека, который боится потерять и не умеет сказать об этом.

Торн строил. Не дома — стены. Невысокие, из камня, ко-

торый Брен и молодые парни из отряда Лиры носили с южного склона. Стены не для защиты от армии — для защиты от ветра, который по ночам становился холоднее, и от зверя, если он водился в окрестностях, хотя Кая ни разу не видела ни одного. Но Торн строил, и в этом строительстве было что-то такое же упрямое и молчаливое, как в нём самом: он не объяснял, зачем, просто клал камень на камень и проверял, ровно ли стоит.

Кая иногда помогала ему — не потому что умела класть камни, а потому что рядом с ним было хорошо работать. Они не разговаривали, не пересекались руками, не сталкивались. Просто работали рядом, и в этом «рядом» было столько всего, что Кая не могла подобрать слова, и не пыталась, потому что знала: некоторые вещи лучше называть не словами, а тем, что молчишь рядом.

Однажды, когда солнце — серое, едва различимое за пеленой — стояло высоко, Торн остановился, вытер лоб тыльной стороной ладони и сказал, не поворачиваясь:

— Ты изменилась.

Кая посмотрела на свои руки — мозолистые, загрубевшие, с землёй под ногтями — и усмехнулась.

— Это заметно.

— Я не про руки, — тихо сказал он. — Я про лицо. Оно стало другим. Не мягче — тише. Как будто в тебе что-то улеглось.

Кая не ответила сразу. Она подумала о больнице, о слове

«никогда», о пустоте, которая когда-то была раной, а теперь стала пространством. Потом посмотрела на Торна, на его лицо, которое за три месяца тоже изменилось — не сильно, но заметно: морщины вокруг глаз стали чуть глубже, но напряжение в них — чуть меньше.

— Может быть, — сказала она. — Может быть, улеглось.

Торн кивнул и вернулся к камню. Кая — к земле. И между ними снова встала тишина, тёплая, как нагретый камень, и они не нарушили её, потому что не хотели.

Первая тень пришла на семидесятый день.

Кая заметила её не сразу — сначала просто ощущение, как будто что-то не так, как будто воздух стал чуть тяжелее, а свет — чуть тусклее. Она стояла у огорода, проверяя грядки, и увидела, что один из ростков — тот, что рос у края, ближе к северной стороне — завял. Не погиб — просто опустил лист, как человек, который устал и не может больше держать голову.

Кая присела и тронула стебель. Он был тёплым, живым, но каким-то вялым, будто из него вытянули что-то, не силу и не жизнь, а что-то более тонкое — упругость, ту внутреннюю пружину, которая заставляет живое тянуться вверх.

— Элин, — позвала она. — Иди сюда.

Элин прибежал быстро, как всегда, — он носился по лагерю с той скоростью, которая бывает только у детей, которые наконец-то перестали бояться. Он присел рядом, положил ладонь на землю и замер. Лицо его стало сосредоточен-

ным, и Кая видела, как он прислушивается — не ушами, а тем, чему научила его мать, тем, что он родил сам в Мёртвых землях.

— Здесь тихо, — сказал он после паузы. — Не как везде. Везде земля дышит — тихо, но дышит. А здесь... будто кто-то приложил ладонь ко рту и не даёт дышать.

Кая нахмурилась.

— Кто?

Элин покачал головой.

— Не знаю. Не вижу. Но чувствую: что-то давит. Не сильно — чуть-чуть. Как будто кто-то лёг рядом и придавил.

Кая посмотрела на север, на Мёртвые земли, которые лежали ровной серой полосой за холмами. С того края не шло ни звука, ни ветра, ни запаха. Но теперь, прислушиваясь, Кая почувствовала то, что описал Элин: не давление, а скорее отсутствие — будто из этого края шла не угроза, а тишина, более глубокая, чем должна быть. Тишина, которая не просто молчит, а слушает.

— Фейра, — тихо позвала Кая.

Фейра подошла, и Кая показала ей росток. Фейра коснулась земли, и её лицо, обычно ровное и собранное, чуть дрогнуло.

— Чужое касание, — прошептала она. — Не грубое. Тонкое. Как будто кто-то водит пальцами по поверхности воды, не погружая, а просто... проверяя, где волны.

— Вейра? — тихо спросила Кая.

Фейра не ответила. Но и не отрицала. А молчание Фейры было красноречивее любого подтверждения.

Кая нашла Орина у большого очага, где он сидел, как всегда, чуть поодаль от остальных, с посохом, который он вырезал из сухой ветки за эти месяцы и который стал таким же продолжением его рук, как когда-то — камни и руны.

— Орин, — сказала она, садясь рядом. — Что-то не так.

Орин поднял на неё глаза, и Кая увидела в них не удивление, а то тихое, тяжёлое узнавание, которое бывает, когда ты надеешься, что ошибаешься, и понимаешь, что нет.

— Я знаю, — кивнул он. — Я чувствую это со вчерашнего вечера. Земля стала тяжелее. Не физически — по-другому. Будто кто-то положил ладонь на её грудь и чуть-чуть придавил. Не чтобы задушить — чтобы послушать.

— Послушать? — переспросила Кая, и внутри неё что-то сжалось — не страх, а предчувствие, как запах дождя перед грозой.

— Они настраиваются, — тихо сказал Орин. — Крейвон и Вейра. Они не ушли. Они не сдались. Они делают то, чего мы боялись: учатся видеть по-другому.

— Видеть что?

— Нас, — ответил Орин. — И в первую очередь — тебя.

Кая замерла. Она вспомнила слова Хранителя Троп, сказанные давным-давно, у входа в Мёртвые земли: «Береги мальчика. Его амулет — маяк, который виден тем, кто умеет смотреть». И слова Лиры: «Щит видит всё, что несёт в себе

силу. Если у тебя нет ни капли — он тебя не увидит». И слова Торна: «Они не чувствуют тебя. Но амулет и остальных — да».

— Они не могут меня видеть, — сказала Кая, и в голосе её не было уверенности, которой хотелось бы. — Во мне нет магии. Нет силы. Я — пустота для их щита.

— Была, — поправил Орин. — Ты была пустотой. Но пустота, которая держит линию, которая проходит сквозь щиты, которая ломает обручи — она перестаёт быть пустотой. Она становится присутствием. А присутствие можно найти, если знать, как искать.

Кая посмотрела на него, и в его глазах, спокойных и старых, она увидела то, чего боялась: он не знал, как защитить её. Он знал, как держать ритуал, как вести обряд, как учить землю дышать. Но он не знал, как спрятать то, что не имеет магии, от того, что умеет видеть отсутствие.

— Что мне делать? — спросила она, и в первый раз с тех пор, как очнулась в этом мире, вопрос прозвучал не как просьба о совете, а как просьба о помощи.

Орин долго молчал. Потом положил ладонь на её руку — осторожно, тепло, как касаются хрупкого.

— Учится, — сказал он. — Ты держала линию, потому что не умела ничего другого. Но теперь тебе нужно научиться новому: слышать, когда тебя ищут. Чувствовать, когда чужая настройка проходит рядом. Не магией — тем, что в тебе есть. Твоей пустотой, которая теперь — присутствие.

— Но как?

— Не знаю, — честно ответил Орин. — Но знаю, кто может помочь. Мариса. Она — вода. Она знает, как обойти то, что нельзя пробить. И она знает, как скрыть то, что нельзя спрятать.

Кая кивнула и встала. Огород остался позади, ростки — впереди, а где-то на севере, в башне из мёртвого камня, кто-то водил пальцами по тёмному камню и слушал тишину — не ту, что молчит, а ту, что стоит между вдохами, ожидая, когда мир выдохнет.

Глава 2

Кая шла к Марисе не по тропе, а напрямик — через каменистые россыпи, где трава ещё не успела закрепиться и цеплялась за землю тонкими, почти невидимыми корнями. Каждый шаг приходилось ставить осторожно: камень мог выскользнуть, росток — хрустнуть под подошвой, и Кая уже знала, что в этом мире нельзя наступать, не глядя. Здесь всё было слишком хрупким, чтобы позволить себе небрежность.

Мариса сидела у южного ручья — не у самого потока, а чуть выше, там, где вода только начинала собираться в тонкую ленту и ещё не успевала набрать силу. Она держала в руках плоский камень, гладкий, будто отполированный временем, и водила по нему пальцами, как слепой читает буквы. Рядом, прислонившись к валуну, сидел Элин — не мешал, не болтал, просто был рядом, как бывает рядом тот, кто знает: когда взрослый думает, лучше молчать.

— Мариса, — тихо сказала Кая, останавливаясь на границе тени и света. — Орин сказал, что ты можешь помочь. Что-то происходит.

Мариса не подняла глаз сразу. Она ещё раз провела пальцами по камню, будто дочитывала строчку, и только потом посмотрела на Каю. В её взгляде не было тревоги — но была готовность к ней, как у человека, который давно ждёт стука в дверь и не удивляется, когда он наконец раздаётся.

— Я чувствую, — просто сказала она. — Земля стала тяжелее. Не везде — но в тех местах, где мы пытаемся её разбудить. Как будто кто-то положил на неё ладонь и держит.

Элин кивнул, подтверждая слова матери, хотя его кивок был не взрослым, а детским — торопливым, будто он боялся, что ему не поверят, если он не согласится сразу.

— У огорода, — сказал он. — Там, где росток опустил лист. Я слушал. И там... тишина не такая. Она не пустая. Она... собранная. Как перед грозой, когда воздух становится густым.

Кая села рядом, не на камень — на землю, прямо на холодную, сырую гальку, и почувствовала, как холод медленно пробирается сквозь ткань штанов. Это было даже хорошо: холод напоминал, что она здесь, живая, и что происходящее — не сон.

— Орин говорит, что мне нужно научиться слышать, когда меня ищут, — сказала Кая. — Но я не маг. У меня нет силы, которую можно направить, нет потока, который можно почувствовать.

Мариса чуть наклонила голову, и в её лице проступило то, что Кая уже видела раньше — не снисхождение, а спокойное понимание того, что кто-то стоит на пороге и не знает, как переступить.

— Ты думаешь, что магия — это только сила, — сказала Мариса. — Но это не так. Магия — это внимание. Это когда ты смотришь на камень и видишь не просто камень, а то, как

он лежит, как на него падает свет, как он касается земли. Когда ты слушаешь ручей и слышишь не только воду, а то, где она спотыкается о камень. Вот это — магия. И у тебя она есть. Ты умеешь стоять и не уходить. А это — самое редкое умение.

Кая хотела возразить, сказать, что стоять — это не умение, а просто отсутствие выбора. Но не сказала. Потому что в словах Марисы была правда, которую она не хотела признавать: она действительно не уходила. Ни из Мёртвых земель, ни из темницы, ни из круга, когда руки скользили от усталости. И это действительно было чем-то.

— Расскажи про росток, — попросила Мариса. — Про тот, что у огорода. Что ты чувствовала, когда к нему подошла?

Кая закрыла глаза, вспоминая. И вдруг поняла, что помнит не только росток, но и всё вокруг: как воздух стал чуть тяжелее, как свет будто потускнел, как земля под ногами перестала отзываться, как делала это в других местах — не гулом, не голосом, а просто тихим, уверенным откликом.

— Воздух стал... плотным, — сказала она, подбирая слова. — Как будто я вошла в комнату, где кто-то только что закрыл дверь. И земля... она не молчала. Она будто сдерживалась. Как человек, который старается не дышать, чтобы его не услышали.

Мариса кивнула, будто услышала именно то, что хотела.

— Это и есть настройка, — тихо сказала она. — Вейра не

бьёт. Она слушает. Она ищет границы того, что не должно быть слышно. И если она найдёт тебя — она найдёт и линию. А линия — это всё, что у нас есть.

Элин поднял голову, и в его глазах мелькнул страх — не детский, не капризный, а взрослый, тяжёлый, как страх того, кто понимает цену своей ошибки.

— Но амулет, — тихо сказал он, сжимая пальцами тонкую цепочку, на которой висел камень. — Он же... он меня защищает.

Мариса посмотрела на сына, и её лицо на мгновение стало таким, каким, наверное, было до обручей — мягким, но твёрдым, как вода, которая обтекает камень, но никогда не сдаётся.

— Амулет — это маяк, — сказала она. — Он помогает тебе слышать землю. Но он же и делает тебя заметным. Для тех, кто умеет смотреть.

— Значит, ему нужно его снять? — спросила Кая, и сама почувствовала, как в груди что-то сжалось от этой мысли. Снять амулет — значит лишить Элина его силы. Но оставить — значит сделать его мишенью.

Мариса покачала головой.

— Нет. Снять — значит сломать то, что он построил. А нам нужно не прятать его — нам нужно научить его быть тише. Научить его слышать настройку и не отзываться на неё.

— Как? — спросил Элин, и голос его дрогнул, но он не опустил глаз.

— Через воду, — просто ответила Мариса. — Вода не сопротивляется. Она обтекает. Если ты чувствуешь, что чужая настройка касается земли, ты не тянись к ней. Ты позволишь ей пройти мимо, как ручей обтекает камень. Ты остаёшься — но не кричишь о себе.

Она встала, медленно, будто каждое движение требовало усилия, и протянула руку к ручью. Вода коснулась её пальцев, и на мгновение Кая увидела, как по поверхности пробежала рябь — не от ветра, не от камня, а будто сама вода отозвалась на прикосновение.

— Смотри, — сказала Мариса, не убирая руки. — Вода знает, как быть тихой. Она не исчезает. Она просто становится незаметной. Как тень на дне.

Элин наклонился и тоже опустил пальцы в воду. Его лицо стало сосредоточенным, и Кая вдруг увидела в нём не мальчика, а того, кем он становился — хранителем, который учится держать мир не силой, а вниманием.

— Я попробую, — тихо сказал он.

Тем временем на севере, в башне из мёртвого камня, Вейра стояла перед чашей, наполненной не водой, а густой, тёмной жидкостью, похожей на застывшую смолу. В ней не отражалось ничего — ни лица, ни света, ни даже тени. Она была зеркалом, которое не показывало, а забирало.

Крейвон стоял позади, не вмешиваясь, не торопя. Он знал: когда Вейра работает, любое слово может сбить настройку.

Вейра опустила в чашу плоский камень с прожилками и тихо прошептала слова — не заклинания, не молитвы, а что-то среднее между ними: ритмичные, тягучие, будто она не говорила, а выводила узор голосом. Камень в чаше дрогнул, и по поверхности смолы пошли круги — не расходясь, а сходясь к центру, как будто мир пытался собраться в одну точку.

— Есть, — тихо сказала Вейра, не поднимая глаз. — Линия. Тонкая, неровная, но держится. Сорок человек. И в центре — пустота.

— Кая? — коротко спросил Крейвон.

Вейра кивнула.

— Она не светится. Но вокруг неё — границы. Как тень от невидимого предмета. Я вижу, где мир становится другим. Где тишина не просто молчит, а... дышит.

— Можешь ли ты ударить по ней? — спросил Крейвон, и в его голосе не было нетерпения — только холодная, привычная необходимость знать возможности.

Вейра покачала головой, не отрывая взгляда от чаши.

— Не сейчас. Линия держится не магией. Она держится намерением. Если я ударю — я сломаю намерение, но не пустоту. Пустота останется. И она снова соберёт линию.

— Тогда что?

— Нужно найти то, что даёт ей форму, — тихо сказала Вейра. — То, что позволяет пустоте быть видимой. Мальчик. Его амулет. Он — маяк. Если мы погасим маяк — линия станет просто группой людей. А группу можно разбить.

Крейвон чуть наклонил голову, и на его лице проступила та редкая, едва заметная улыбка, которая появлялась только тогда, когда план начинал складываться.

— Значит, сначала — мальчик, — сказал он. — А потом — всё остальное.

В лагере, у ручья, Элин сидел, опустив пальцы в воду, и старался не думать, не чувствовать, не тянуться — просто быть. Кая сидела рядом и смотрела не на него, а на воду, на то, как рябь расходится от его пальцев и медленно затихает, как будто сама земля училась быть тише.

Мариса встала и посмотрела на север, туда, где серая пелена неба смыкалась с мёртвой землёй. Её лицо было спокойным, но Кая видела, как напряглись её плечи — не от страха, а от понимания: тишина, которую они пытались создать, была не их. Она была чужой. И чужой она была потому, что её создавали специально — чтобы найти их.

— Мы должны предупредить остальных, — тихо сказала Мариса. — Не пугать. Но подготовить. Пусть знают: тишина — это не покой. Это настройка.

Кая кивнула. Она вспомнила, как стояла в круге, держа за руки Торна и Фейру, и как линия держала, даже когда казалось, что сил больше нет. И поняла: на этот раз линия должна быть не только физической. Она должна быть и внутренней — в каждом, кто стоит.

— Я скажу Торну, — сказала она. — И Орину. Они знают, как готовить людей к тому, чего нельзя увидеть.

Мариса снова кивнула, и в этом кивке было столько доверия, что Кая на мгновение почувствовала себя достойной его.

— Хорошо, — сказала Мариса. — Пусть знают. И пусть помнят: мы не прячемся. Мы учимся быть тихими, чтобы слышать, когда придёт буря.

Солнце за пеленой неба медленно клонилось к закату, и тени становились длиннее, а тишина — гуще. Где-то в долине Фейра тихо говорила с Бреном, объясняя, как теперь нужно ставить дозорных — не только смотреть, но и слушать. Орин сидел у очага и вырезал на посохе новые руны — не для силы, а для памяти. Торн клал последний камень в стену и смотрел на север, будто чувствовал, как оттуда приходит не ветер, а холод, который не имеет температуры, а имеет намерение.

А в башне, за серой пеленой, Вейра убирала чашу, и тёмная жидкость в ней медленно застывала, сохраняя в себе отголоски линии — тонкие, едва заметные, но достаточные, чтобы начать охоту.

Тишина между вдохами становилась громче. И те, кто умел её слышать, уже знали: покой закончился. Теперь нужно было стоять не только телом — нужно было стоять вниманием. И Кая знала: на этот раз она будет стоять не одна.

Глава 3

В башне не было окон, через которые можно было бы смотреть на мир, — только узкие прорезы, похожие на щрамы, сквозь которые внутрь просачивался тусклый свет. Вейра не нуждалась в нём. Для её работы свет был помехой: он отвлекал на видимое, а ей нужно было слышать невидимое.

Она сидела на каменном полу, скрестив ноги, перед чашей, в которой смола застыла, превратившись в чёрное зеркало без отражения. По краю чаши шли выцарапанные руны — не для красоты и не для силы, а для удержания: чтобы то, что она вызывала, не вырвалось наружу раньше времени.

Крейвон стоял у одной из прорезей, неподвижный, как часть стены. Он не спрашивал, готова ли она. Он знал: Вейра скажет сама, когда будет готова. И он знал ещё одну вещь — она не любила, когда её торопили.

— Они учатся быть тихими, — тихо сказала Вейра, не поднимая головы. — Не прячутся. Не бегут. Пытаются слиться.

— Это плохо? — спросил Крейвон, не оборачиваясь.

— Это сложно, — поправила она. — Тишина, которую создают намеренно, звучит иначе, чем тишина мёртвой земли. В ней есть усилие. В ней слышно, как человек сдерживает дыхание.

Она провела пальцами по краю чаши, и смола внутри

дрогнула, будто от прикосновения пробежала дрожь.

— Я могу найти усилие, — продолжила Вейра. — Могу найти тот момент, когда тишина перестаёт быть естественной и становится защитой. И в этом усилии — их слабость.

— Мальчик? — коротко спросил Крейвон.

Вейра кивнула.

— Он самый заметный. Его амулет — это не просто камень. Это голос, который земля слышит даже сквозь пелену. И он не умеет быть тихим. Он хочет помочь, хочет сделать всё правильно — и от этого тянется вперёд, как ребёнок тянется к огню, не замечая, что обжигается.

— Значит, он выдаст остальных, — сказал Крейвон. — Даже не желая.

— Да, — просто ответила Вейра. — Но не сразу. Сначала он будет стараться. Будет слушать, как учила его мать. Будет опускать пальцы в воду и пытаться не шевелиться. Но когда почувствует, что настройка касается земли, он потянется — не к ней, а к тем, кто рядом. К Кае. К Марисе. К тому, что для него — опора. И в этот момент он станет громче, чем целая армия.

Крейвон наконец обернулся. Его лицо оставалось спокойным, но в глазах проступило то, что появлялось всегда, когда он слышал план, который мог сработать: холодная, собранная сосредоточенность.

— Ты можешь использовать этот момент? — спросил он.

— Могу, — сказала Вейра. — Я не стану бить. Я стану

ждать. Поймаю тот миг, когда он потянется, и привяжу этот импульс к себе. Сделаю так, что любое его движение будет отзываться здесь. — Она коснулась чаши, и по смоле пробежала тонкая, едва заметная рябь. — И тогда я смогу дотянуться. Не до него — до линии. До того, что держит их вместе.

Крейвон помолчал, обдумывая. Он не любил планов, которые зависели от чужого выбора, но знал: иногда лучший удар — это тот, который противник наносит сам, не понимая, что делает.

— Сколько времени тебе нужно? — спросил он.

— Не время, — ответила Вейра. — Мне нужно место. То, где настройка ляжет ровно. Где земля уже ослаблена, где трещины готовы раскрыться. Мёртвые земли — хорошее место, но оно слишком мёртвое. Мне нужно место на границе. Там, где жизнь ещё держится, но уже устала.

— Долина, — понял Крейвон.

— Да. Там, где они строят огороды. Где мальчик каждый день кладёт ладони на землю. Где женщина с усталыми глазами учит его быть тише. Там земля помнит, как быть живой, и поэтому она уязвима.

Тем временем в долине Элин сидел у ручья, опустив пальцы в воду, и старался не думать. Мариса учила его: «Не пытайся заглушить голос земли. Просто не отвечай на него. Пусть он звучит, а ты будь рядом, но не тянись».

Это было труднее, чем казалось. Земля шептала. Она

шептала о камнях, о корнях, о воде, которая бежала глубже, чем он мог видеть. И каждый раз, когда он хотел ответить — хотел сказать: «Я здесь, я слышу», — он заставлял себя молчать. И от этого молчания внутри становилось тесно, как будто он сдерживал дыхание слишком долго.

Кая сидела рядом, не помогая, не подсказывая — просто была. Она знала: Элину нужно научиться этому самому. Знала и потому молчала, хотя ей хотелось сказать хоть что-нибудь, чтобы ему стало легче.

Когда он наконец поднял голову, его лицо было бледным, а в глазах стояла усталость — не физическая, а та, что приходит, когда сдерживаешь что-то слишком важное.

— Я не могу, — тихо сказал он. — Я слышу, как земля зовёт. И мне хочется ответить.

Мариса присела рядом и положила ладонь ему на плечо. Не крепко, не сжимающе, а просто так, чтобы он чувствовал: он не один.

— Ты и не должен отвечать, — тихо сказала она. — Ты должен быть рядом. Как Кая сейчас. Как я. Мы не шепчем в ответ. Мы просто сидим и даём понять: мы здесь. И этого достаточно.

Элин посмотрел на Каю, будто искал в её лице подтверждение. Кая кивнула.

— Достаточно, — сказала она. — Иногда самое сильное, что ты можешь сделать, — это просто не уйти.

Он снова опустил пальцы в воду. На этот раз не так напря-

жённо. Не как тот, кто борется, а как тот, кто учится быть спокойным.

Фейра стояла на краю лагеря, у самой границы, где трава становилась реже, а камни — крупнее. Рядом с ней был Брен. Он не говорил, просто стоял, положив руку на рукоять ножа, и смотрел туда, где небо казалось чуть темнее, будто пелена над Мёртвыми землями была плотнее.

— Чувствуешь? — тихо спросила Фейра.

Брен чуть наклонил голову, прислушиваясь не к звукам, а к чему-то более тонкому — к тому, как меняется воздух.

— Тяжелее, — сказал он. — Как перед грозой. Только грозы не будет.

— Будет, — возразила Фейра. — Только не обычная. Эта гроза будет без дождя. Без ветра. Только с ударом.

Она достала из-за пояса небольшой плоский камень — не амулет, не магический артефакт, а обычный, серый, с прожилками. Повертела его в пальцах и вдруг резко бросила в сторону Мёртвых земель. Камень пролетел несколько шагов и упал, не ударившись о землю, а будто провалившись в пустоту, которая была чуть плотнее воздуха.

— Видишь? — спросила Фейра.

Брен нахмурился.

— Что это?

— Настройка, — сказала Фейра. — Вейра растягивает её, как сеть. Тонкую, почти незаметную. Она не бьёт — она ловит. И если мы не будем осторожны, она поймает то, что нам

дороже всего.

Брен посмотрел на неё, и в его взгляде проступило то, что он редко позволял себе показывать: не страх, а ответственность. Он знал, кого нужно защищать. И знал, что не сможет защитить всех.

— Что делать? — спросил он.

— Предупредить, — сказала Фейра. — Пусть дозорные не просто смотрят. Пусть слушают. Пусть замечают, где воздух становится тяжелее, где тень ложится не туда, где камень падает не так.

Брен кивнул и ушёл, чтобы собрать дозорных. Фейра осталась стоять на границе, глядя в сторону башни, которую нельзя было увидеть за серой пеленой, но которую она чувствовала — как чувствуют взгляд, даже если не видят глаз.

Торн стоял у стены, которую почти достроил. Он не смотрел на камни и не проверял кладку. Он смотрел на лагерь, на людей, на то, как они двигались — не спеша, но и не расслабленно. В их движениях появилась собранность, как у тех, кто знает: опасность близко, но ещё не пришла.

Кая подошла и встала рядом. Не слишком близко, но и не далеко — на том расстоянии, на котором им было удобно молчать вместе.

— Ты думаешь, они придут? — тихо спросила она.

Торн не ответил сразу. Он провёл пальцами по верхнему камню, проверяя, ровно ли он лежит.

— Они уже пришли, — наконец сказал он. — Просто ещё

не показались.

— Вейра ищет способ увидеть меня, — сказала Кая. —
Орин и Мариса говорят, что я должна научиться быть тише.
Но я не знаю, как быть тише, если я уже ничего не делаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.